

Не успели затихнуть слова, как оба возникли прямо перед ними. Чжоу Баюй, скользнув равнодушным взглядом по Ли Чжи, никак не выказал удивления — лишь лениво вскинул бровь и мотнул головой в сторону выхода:

— Ну что, погнались? Тачка наготове.

Он небрежно выудил из кармана связку ключей. Брелок от спорткара пару раз крутанулся на его пальце, и Баюй залихватски, по-хулигански свистнул:

— Полный улет, скажу я вам.

— Езжайте без нас, — отозвался Чу Минчжан. — Мы с Ли Чжи приедем позже.

— Да ладно тебе, не будь ты таким занудой... Подумаешь, прав нет, — разочарованно цыкнул Баюй. — Мое вождение, между прочим, все признают первоклассным.

Прежде чем Минчжан успел ответить, Хань Цзыяо презрительно фыркнул:

— Зачем ты вообще перед ним распинаешься? Он все равно тебя не послушает... Да и вообще...

— Баюй едет кадрить девчонку, мы — чтобы создать толпу и нагнать пафоса. На кой-черт ты тащишь с нами этого нищеброта? — Цзыяо брезгливо мотнул подбородком в сторону Ли Чжи, даже не пытаясь скрыть своего отвращения. — Только авторитет нам ронять.

С началом учебного года отношение сверстников к Ли Чжи заметно потеплело. Но к компании золотой молодежи это не относилось, а уж к Хань Цзыяо — тем более.

Напротив, неприязнь последнего со временем лишь окрепла и превратилась в глухую, яростную ненависть. Ли Чжи ума не мог приложить, чем ему досадила: раньше тот ограничивался лишь колкими подначками за глаза, но теперь исходил такой злобой, словно они были кровными врагами.

Самый нелепый случай произошел недавно, на праздновании дня рождения Чу Минчжана. Когда пришло время делить праздничный торт, Ли Чжи и Цзыяо оказались рядом. Минчжан протянул отрезанный кусок, и оба, решив, что угощение предназначается именно ему, одновременно потянулись к тарелке.

Их рук случайное соприкосновение тыльными сторонами ладоней обернулось скандалом. Ли Чжи даже сообразить ничего не успел, как Цзыяо, словно ошпаренный кипятком, отпрянул на несколько шагов назад. На его красивом лице отразилась целая гамма бурных чувств.

Он принялся с ожесточением тереть тыльную сторону ладони, густо заливаясь краской от

гнева. Кусок торта сразу поперек горла встал — парень швырнул тарелку, развернулся и, хлопнув дверью, ушел прочь. До конца вечера он так и не появился.

— Хань Цзыяо, выбирай выражения, — ровным, ледяным тоном предупредил Чу Минчжан.

Ли Чжи инстинктивно сделал шаг назад, прячась за широкую спину Минчжана. Это движение не укрылось от Цзыяо — тот вперил в него бешеный взгляд. Ли Чжи испуганно вжал голову в плечи, но его слабость, казалось, лишь подлила масла в огонь.

— Слышь, Минчжан, — издевательски фыркнул Цзыяо, — ты чего перед ним расстилаешься? Он что, твоя новая подстилка? А? Или любимая барышня? Носишься с ним как с писаной торбой, слова в его сторону не скажи!

Ответом ему было гробовое молчание. Если предыдущее замечание Минчжана звучало как простое предупреждение, то теперь он был по-настоящему в ярости. Тяжелые брови сошлись на переносице, а воздух вокруг него словно сгустился, превращаясь в давящую, осязаемую стену. Эта перемена в атмосфере была столь резкой, что перехватило дыхание.

Цзыяо слегка побледнел и непроизвольно попятился. Поняв, что дело пахнет керосином, Чжоу Баюй поспешил вмешаться, разряжая обстановку:

— Эй, ну вы чего, опять сцепились? Ладно вам, хорош время терять. Поехали.

Напряжение немного спало. Цзыяо поплелся следом за Баюем, а Минчжан вызвал такси до закрытого элитного ресторанчика японской кухни, спрятанного в глубине тихих переулков.

В салоне машины они сели поодаль, оставив между собой свободное место. Путь предстоял неблизкий, к тому же они намертво застряли в дорожной пробке. Но за все это время ни один из них не проронил ни слова.

Ли Чжи искоса поглядывал на спутника. Тот сидел, закрыв глаза и заткнув уши наушниками, но по плотно сжатым губам было ясно, что гнев еще не утих. И причина этой мрачности была очевидна — пошлые намеки Цзыяо задели его за живое.

Ли Чжи отчетливо понимал: Минчжану глубоко отвратительны подобные грязные домыслы. Слова Цзыяо наверняка вызвали у него лишь брезгливое омерзение — возможно, он уже сто раз пожалел, что вообще позволил поехать с ним.

Его опасения подтвердились. Едва они вышли из машины, Минчжан бросил сквозь зубы:

— Обратно поедешь сам.

Ли Чжи растерялся, но послушно кивнул:

— Хорошо.

Минчжан, больше не глядя на него, зашагал к дверям заведения. Ли Чжи плелся следом, ощущая, как на душу наваливается необъяснимая, щемящая тоска.

Очередной пассией Чжоу Баюя, на которую он положил глаз несколько месяцев назад, была японка. Она работала в этом самом ресторане, поэтому парень околачивался здесь едва ли не каждый день. Судя по его победоносному виду, крепость была близка к сдаче, и Баюй находился на стадии финального штурма, отчего пребывал в крайнем возбуждении.

Здесь его действительно знали как облупленного. Девушки у входа, облаченные в традиционные кимоно, едва завидев постоянного гостя, расплылись в услужливых улыбках и тут же повели компанию вглубь заведения.

Когда гости расселись по местам, хостес бесшумно удалилась, а вместо нее в раздвижных дверях показалась молодая женщина — тоже в кимоно, на вид лет двадцати с небольшим. Стоило Баюю ее увидеть, как его глаза плотоядно вспыхнули. Он тут же заговорил на ломаном японском, сыпля плоскими шуточками, от которых красotka залиvistо хохотала, то и дело прикрывая рот ладонью.

Ли Чжи молча наблюдал за ними. Ему казалось — или это просто разыгралось воображение? — что заезжая красавица то и дело бросает на него странные, изучающие взгляды. Это вызывало смутное беспокойство.

Тогда он еще не догадывался, что появление этой иностранки станет тем самым камнем, который вызовет лавину и навсегда разрушит хрупкий мир в семействе Чжоу.

Иноземка явно пришлась мажору по вкусу: он пожирал ее глазами, не отрываясь ни на секунду.

Бесцеремонно сцапав ее за руку, он принялся нежно поглаживать пальцы, но стоило его ладоням скользнуть выше и стать откровенно наглыми, как японка с кокетливым смешком мягко отстранилась и, плавно покачивая бедрами, выскользнула из кабинета.

— Совсем спермотоксикоз замучил? — брезгливо хмыкнул Цзыяо. — Мы сюда жрать пришли, а не трахаться. Тебе отеля мало?

— Ой, да завали ты, — отмахнулся Баюй, чертя в воздухе выразительные изгибы женского тела. — Видал бы ты ее поближе. Личико, фигурка — прямо под меня лепили! Как тут устоять?

— Пфе, — закатил глаза Цзыяо.

Чу Минчжан, до этого молчавший, ровным тоном поинтересовался у Баюя:

— И где ты ее откопал?

— Да в каком-то тихом баре, — на секунду задумался тот. — Месяца три назад. Поволокся за ней, а она, прикинь, птица гордая. Ломалась так, что даже с работы уволилась, лишь бы от меня скрыться. Пришлось напярч людей, чтобы пробили, где она теперь обретается. Вот, здесь всплыла.

Минчжан сухо усмехнулся:

— Ты в подобные приличные места дай бог раз в пятилетку заглядываешь. И надо же, в единственный визит встретил любовь всей жизни. Какое поразительное совпадение.

— Во-во! Настоящую любовь пальцем не раздавишь, судьба! — самодовольно осклабился Баюй.

— Судьба? — Минчжан опустил взгляд на свою чашу и сделал глоток подогретого саке. — Не верю я в эти сказки. Чем идеальнее приманка, тем дальше от нее нужно держаться.

— Ну да, у тебя же семейка из чинуш, вечно вы во всем заговоры видите и шагу ступить боитесь, — отмахнулся Баюй, пропуская предостережение мимо ушей и опрокидывая в себя еще одну стопку. — Тоска смертная с тобой.

Официант как раз внес блюдо с сырой рыбой. Баюй размашисто махнул рукой:

— Ладно, хорош трюндеть, налегайте на жратву.

Цзяо брезгливо ткнул палочкой в тарелку:

— Из какого болота они этот силос выловили? Еще потравимся на хрен в этой забегаловке, ты потом за лечение платить будешь?

— Бля, да что вы за душнилы сегодня такие! — взорвался Баюй. Его блуждающий взгляд внезапно наткнулся на тихо сидящего в углу Ли Чжи. — Слышь, недотыкомка, жри давай.

Ли Чжи вскинул голову. Перед ним со стуком приземлилась тарелка с сашими, щедро сдобренная огромным, ядовито-зеленым комком васаби — одного взгляда на эту гору горчицы хватало, чтобы во рту все запылало огнем.

— Угощайся... братишка, — ухмыльнулся Баюй, глумливо растягивая последнее слово.

Видя, что парень застыл истуканом, мажор раздраженно цыкнул:

— Чего замер? Жри, кому сказано! Быстро палочки взял!

Ли Чжи даже не прикоснулся к приборам. Собрав остатки мужества, он тихо ответил:

— Я не хочу.

Баюй с размаху грохнул бамбуковыми палочками по столу, наливаясь яростью:

— Твою мать, я не понял! Тебе приказывают — ты рот открываешь и жрешь! Ты вообще кто такой, сука, чтобы тут вякать и права качать? Да я тебя, ублюдка...

Поток бранных слов прервало неожиданное движение: сбоку протянулась рука с зажатыми палочками и аккуратно подцепила кусок рыбы прямо из-под носа разбушевавшегося парня. Минчжан отправил сашими в рот, не торопясь прожевал и совершенно невозмутимо произнес:

— Качество рыбы в таких заведениях действительно оставляет желать лучшего. Не стоит рисковать.

Он отодвинул злополучную тарелку подальше. Чжоу Баюй, прищурившись, уставился на него и принялся мерно постукивать костяшками пальцев по полированной столешнице.

— Знаешь, а ведь Цзыяо чертовски прав... — медленно протянул он. — Минчжан, ты как-то уж слишком нежно о моем недоумке-братце печешься. Мы вообще-то одна семья, просто по-родственному шутим... Тебе-то что? — На щеках Баюя из-за выпитого алкоголя выступил лихорадочный румянец. Трудно было понять, пьяный ли это бред или тщательно спланированная пьяная исповедь.

— Слушай прикол, — хохотнул он, упиваясь воспоминанием. — Перед твоей днюхой этот придурок приперся ко мне выпрашивать, где будет банкет. А я только глаза продрал, башка раскалывается, злой как собака. Ну и говорю ему: «Сожрешь порцию сашими — выдам адрес». Спросонья рука дрогнула, я туда целую тубу ядреного васаби и выдавил. И что ты думаешь? Этот идиот даже глазом не моргнул — молча загреб тарелку и все дочиста сожрал! Ха-ха! Морда красная, сопли ручьем, он потом три дня сипел, слова вымолвить не мог!

Баюй на мгновение затих, словно соображая что-то, а затем прищурился пуще прежнего:

— Ты сейчас забавно выразился: «Чем идеальнее приманка, тем дальше нужно держаться». Только вот я никак не возьму в толк... Раньше ты от моего братца шарахался, как от зачумленного. А теперь таскаешь его за собой повсюду. Так как дела-то обстоят, Минчжан? Мой братишка тебе все-таки по вкусу пришелся или наоборот?

«И Хань Цзыяо, и Чжоу Баюй — они ведь одинаковые. Для них я не человек вовсе, а так... кусок мяса на блюде, вещь, которую можно швырять из стороны в сторону. С Цзыяо все ясно — избалованный барчук, у которого язык без костей. Но Баюй...»

«Похоже, пресловутый зов крови — не пустые слова. Он видит меня насквозь. Замечает то, что я сам изо всех сил пытаюсь скрыть от посторонних глаз».

Этот липкий, прощупывающий взгляд, которым Баюй скользил то по нему, то по Минчжану, заставлял внутренности сжиматься от страха. И Минчжана это тоже вывело из себя.

— Не мели чушь, — жестко оборвал его Минчжан. Голос его опустился до леденящих, стальных нот. — Это совершенно разные вещи.

Больше он не проронил ни слова. До самого конца этого кошмарного обеда Ли Чжи не услышал от него ни единого звука.

Ли Чжи с тоской чувствовал: хрупкая нить, связавшая их за последнее время, оборвалась. Все вернется на круги своя — к тому холодному, глухому отчуждению, с которого они начинали.

На пороге японка с неизменной вежливой улыбкой провожала гостей. Уходя, Ли Чжи обернулся и натолкнулся на ее прямой, немигающий взгляд.

Это была их первая встреча. Во второй раз они увиделись уже в роскошной гостиной загородного дома Чжоу.

Иноземка стояла посреди залы в полуголом, едва прикрывающем наготу виде, а рядом, на холодном полу, в луже собственной крови лежала без сознания беременная Ван Сяочунь.

Дрожащим пальцем японка указывала на замершего рядом Чжоу Баюя, на котором из одежды были лишь семейные трусы, и на ломаном, заикающемся китайском твердила, что собственными глазами видела, как он столкнул мачеху с лестницы.